

Когда Хан Сиэнь закончил говорить, Хэ Юйчжу всё ещё глупо переводила взгляд со своего искалеченного запястья на юношу, не в силах до конца осознать произошедшее. На её лице застыло крайнее недоумение.

Её подруги и вовсе оцепенели от ужаса. До них, конечно, доходили слухи, что Наследник недавно собственноручно наказал няньку, но они не придали им значения — лишь приняли к сведению, что связываться с ним не стоит, и решили держаться настороже.

Разве могли благовоспитанные барышни, выросшие в холе и неге, вообразить, что юноша не станет даже слушать их оправданий и без лишних слов пустит в ход силу?

В их утончённом кругу знатные господа и дамы взвешивали каждое слово, прежде чем произнести его. Никто из них отродясь не сталкивался с подобной грубостью. Ударить девушку, к тому же собственную родственницу! Да чем это отличается от уличного разбоя?

Лицо Хан Цинсюэ сделалось белым как полотно. Она задрожала, едва сдерживая подступающие слёзы, и покачнулась. В этот миг она всей душой желала лишь одного — лишиться чувств и раствориться в воздухе. Девушка прекрасно знала, как сильно бабушка дорожит Хэ Юйчжу и её братом. И пусть не она нанесла удар, Старая госпожа непременно обрушит свой гнев и на неё тоже.

Стиснув зубы и силясь сохранить остатки самообладания, Хан Цинсюэ уставилась на Хан Сиэня.

— Третий брат, что ты творишь?! — еле слышно выдавила она сквозь дрожащие зубы.

В герцогском поместье подрастало не меньше десятка детей. В этом поколении Хан Сиэнь был третьим по старшинству, его родная сестра Хан Минчжу — четвёртой, а единокровный младший брат Хан Юэвэнь занимал шестую строчку.

Первой внучкой Старой госпожи была Хан Цинсюэ. Пусть она и родилась девочкой, но как первенец пользовалась особым благоволением бабушки. Её родной младший брат Хан Юэчжун стал вторым ребёнком в семье и первым долгожданным внуком. Из-за этого вторая ветвь клана Хань олицетворяла для Старой госпожи процветание и продолжение рода, занимая в её сердце исключительное место.

Крик кузины вывел Хэ Юйчжу из оцепенения. Резкая, невыносимая боль в покалеченном запястье наконец дошла до её сознания. Из глаз брызнули слёзы. Завопив во всё горло, она повалилась на землю. Плеть давно выпала из её безжизненных сломанных пальцев.

Хан Сиэнь неторопливо шагнул вперёд, поднял хлыст и принялся лениво вертеть его в руках.

Оторопев, Хан Цинсюэ торопливо приказала служанкам бежать к Старой госпоже и своим

родителям, а сама, бережно придерживая стонущую кузину, со страхом посмотрела на Хан Сиэня:

— Третий брат... тебе лучше пойти со мной к бабушке и всё объяснить.

Не дав ей договорить, Хан Сиэнь лениво зевнул, сухо кашлянул пару раз и небрежно бросил:

— Какая-то неведомая дикарка смеет замахиваться плетью на Наследника. Разумеется, Старая госпожа потребует ответа и восстановит справедливость. Так что объясняться придётся именно ей.

Хэ Юйчжу, покрывшаяся холодным потом от нестерпимой боли, окончательно лишилась рассудка. Вскинув искажённое яростью лицо, она злобно прохрипела:

— Я убью тебя, тварь паршивая!

Цинсюэ попыталась было замять дело, но Хан Сиэнь лишь весело прищурился.

— Что же, буду ждать с нетерпением, — насмешливо бросил он.

Больше не устаивая девиц вниманием, он брезгливо отряхнул пальцы, словно коснулся чего-то нечистого, пробормотал: «Какая мерзость», — и зашагал прочь.

Изнурённая дикой болью и вспышкой бессильной злобы, Хэ Юйчжу покачнулась и рухнула без чувств.

Позади него остались крики, суета и плач. Хан Сиэнь неторопливо шёл к своему Дворнику Душистых Орхидей, а следом, размазывая слёзы по щекам, семенил перепуганный Ань Цао.

Оказавшись во Дворике Душистых Орхидей, Хан Сиэнь покосился на слугу. Во дворе в это время сидела Ло Ся, прилаживая подошву к туфле.

— Найди мазь и обработай ему рану, — велел юноша. — Иначе лицо испортит.

Обычно простым слугам-мужчинам не позволялось заходить в личные покои во избежание сплетен, но на сей раз случай был исключительный.

Ло Ся изумлённо замерла, но стоило ей взглянуть на окровавленное лицо Ань Цао, как она испуганно вскрикнула. Хан Сиэнь лишь мельком взглянул на неё и скрылся в покоях. Этот вскрик переполошил Би Хуа и Юнь Чжи, которые в это время варили лекарство. Обе служанки тут же выбежали во двор.

Увидев изувеченное лицо Ань Цао, служанки похолодели от страха. Однако, будучи куда более сдержанными, они не стали поднимать крик. Юнь Чжи опрометью бросилась в комнату за целебным снадобьем.

Пока Ань Цао хныкал, Юнь Чжи бережно наносила мазь на глубокие рассечения.

— Да как же так вышло? — шёпотом спросила она. — Неужели ты разгневал Наследника?

— Да разве я посмел бы! — шмыгая носом и размазывая слёзы, пролепетал малец. — Но беда к нам пришла великая...

Запинаясь и всхлипывая, он торопливо пересказал случившееся.

Выслушав его, Ло Ся испуганно прижала ладони к груди и затараторила:

— Ох, беда... Наследнику несдобровать! Я ведь часто общаюсь со служанками из других дворов. Все знают, что младшая тётушка Хан Сю — любимица Старой госпожи, её самое сокровенное сокровище. Раз Наследник покалечил барышню Хэ, бабушка и тётя живьём его съедят!

Би Хуа прекрасно понимала всю серьёзность положения. Наказать няню Дун, пусть даже жестоко — это дело внутреннее, расправа над челядью. Испортить праздник Старой госпожи — дерзко, но Наследник действовал по справедливости, так что никто из господ не мог открыто упрекнуть его. Но покалечить барышню Хэ! В лучшем случае это назовут глупой ссорой, в худшем — покушением на члена семьи. К тому же пострадала незамужняя девушка.

Би Хуа строго взглянула на Ань Цао:

— Раз ты понял, что перед тобой кузина, почему не удержал господина?

Мальчик вздрогнул, когда едкое снадобье обожгло рану, и жалобно захныкал:

— Да Наследник и глазом моргнуть не успел, как нанёс удар! Разве я мог его остановить? — он и сам до сих пор пребывал в полнейшем оцепенении.

Би Хуа понимала, что винить Ань Цао бессмысленно. Ненадолго задумавшись, она распорядилась:

— Тётушка Хан Сю этого так не оставит. Герцог ведь скоро должен вернуться со службы? Отправь кого-нибудь к средним воротам. Как только карета господина покажется на подъезде, перехватите его и ведите прямо сюда, во Дворик Душистых Орхидей.

— Но поможет ли это? — засомневалась Ло Ся.

Би Хуа лишь спокойно ответила:

— Наш Наследник слаб здоровьем. Отец души в нём не чает и, едва прослышав о недуге, поспешит навестить сына.

Ло Ся кивнула, хотя верилось ей с трудом. Честно говоря, Би Хуа и сама сомневалась в успехе, но иного выбора не видела. Нужно было во что бы то ни стало привлечь внимание герцога, ведь кроме отца защитить Наследника в этом доме было некому.

Не успела Юнь Чжи закончить обработку ран Ань Цао, как снаружи раздался яростный гомон. Би Хуа нахмурилась, узнав пронзительный, визгливый голос тётушки Хан Сю.

В воротах показалась разгневанная Хан Сю в окружении свиты из дюжих прислужниц и крепких слуг. Позади плёлся привратник средних ворот — его щёки опухли от недавних побоев.

Окинув ледяным взглядом Ань Цао, Хан Сю стремительно шагнула вперёд и с размаху влепила ему пощёчину прямо по разбитой щеке. Посмотрев на сочащуюся кровь с отвращением, она брезгливо бросила:

— Паршивый пёс, посмевавший поднять руку на господ! Связать его и забить насмерть!

У Ань Цао подкосились ноги, и он мешком осел на землю. Би Хуа попыталась заступиться:

— Тётушка, пощадите!..

Договорить ей не дали: Хан Сю наотмашь ударила её по лицу и приказала:

— Эту девку тоже связать!

Грубые руки прислужниц вцепились в Би Хуа, а слуги повалили Ань Цао на землю. Но прежде чем они успели связать пленников, у порога покоев раздалась мерная, неторопливая хлопки. Присутствующие замерли и обернулись. На пороге, небрежно прислонившись к косяку, стоял Хан Сизнь. Поигрывая плетью в правой руке, он с явным удовольствием наблюдал за разыгравшимся спектаклем.

— Наследник, спасите! Пощадите! — истошно завопил прижатый к земле Ань Цао.

При виде хлыста в руках племянника Хан Сю захлебнулась яростью, вспомнив о покалеченной

дочери. Будь её воля, она растерзала бы мерзавца на месте. Хан Сиэнь же проигнорировал её гневный взгляд. Он медленно обвёл взглядом слуг и негромко произнёс:

— Отпустите их.

Юноша говорил спокойно, без гнева или раздражения, но в его тихом голосе сквозила такая властность, что перед глазами слуг мгновенно возник образ несчастной няньки Дун, медленно умирающей у ворот поместья. Пальцы нападавших сами собой разжались. Почувствовав свободу, Би Хуа и Ань Цао поспешно бросились под защиту своего господина.

Они прекрасно понимали: попадись они в руки разъярённой тётки сейчас — живыми им не выбраться. Единственной надеждой на спасение оставался Наследник.

— Хорошо... Хорошо! Очень хорошо! — задыхаясь от злости, рассмеялась Хан Сю. — Наш многоуважаемый Наследник превзошёл сам себя! И слуги у тебя под стать хозяину — такие же наглые твари, не знающие почтения к старшим!

Хан Сиэнь смерил её ледяным взглядом.

— Я Наследник этого дома, — веско произнёс он. — А вот ты что за крикливая баба? Как ты смеешь врывать в мои покои и чинить здесь беспредел? Откуда у тебя столько дерзости, чтобы распоряжаться жизнями слуг в поместье герцога Хань?

Мысли Хан Сю, потрясённой увечьем любимой дочери, путались. Она даже не вдумалась в скрытый смысл его дерзких речей. Услышав оскорбительное «крикливая баба», женщина, привыкшая к всеобщему поклонению, окончательно потеряла контроль над собой. Её глаза налились кровью.

— Безродный, невоспитанный щенок! — взвизгнула она, наступая на него. — Сегодня я проучу тебя вместо твоего непутёвого отца! Ты у меня быстро узнаешь, что такое почтение к старшим!

Хан Сиэнь лишь насмешливо вскинул бровь. Разъярённая Хан Сю замахнулась, намереваясь отвесить племяннику пощёчину, но Би Хуа и слуги стеной встали перед господином. В этот напряжённый миг у ворот раздался недоумённый возглас:

— Что здесь происходит?

И тут же раздался грозный голос самого герцога Хан Чжо:

— Сиэнь! Как ты смеешь так вести себя с тётушкой?!

Обернувшись на голос брата, Хан Сю увидела Хан Чжо, рядом с которым стоял почтенный

седовласый лекарь. Воспоминания о страданиях несчастной дочери нахлынули с новой силой. Разрыдавшись, она бросилась к брату:

— Брат! Посмотри, какого зверя ты вырастил! Твой негодяй-сын сегодня искалечил Юйчжу — сломал ей руку! Завтра он, верно, и мне кости переломает! Как можно быть настолько жестоким?! Обращаться с благородными родственниками, как с дворовой грязью! Какое чёрное, злое сердце нужно иметь, чтобы сотворить подобное?!

Она зашлась в безутешном плаче, заламывая руки.

Спутником герцога действительно оказался императорский лекарь Чжоу. Нахмурившись, он молча наблюдал за этой постыдной сценой, переводя взгляд на Хан Сиэня в ожидании объяснений.

Присутствие придворного лекаря стало для Хан Сиэня приятной неожиданностью, и он мгновенно сориентировался. Придав своему лицу выражение крайнего изумления и тревоги, он обратился к Хан Сю:

— Постойте... Вы действительно моя тётушка из семьи Хэ?! Небеса, это же чистой воды недоразумение! Я годами не поднимался с постели из-за недуга. Мне никто не сообщил о вашем приезде, да я и в глаза вас никогда не видел. Как бы я мог узнать вашу дочь, которую тоже никогда не встречал? Как бы я посмел намеренно поднять на неё руку?

Он запнулся, словно пребывая в растерянности, а затем приподнял окровавленную плоть:

— Сегодня во дворе собственного поместья я столкнулся с безумной девицей, которая ни с того ни с сего набросилась на меня и едва не лишила жизни. Не заслони меня преданный Ань Цао, мой хилый организм вряд ли бы выдержал удар. Вот эта плоть — прямое тому доказательство! Я решил, что к нам пробралась какая-то неотёсанная и наглая особа, лишённая всяких понятий о приличиях. Вела она себя так, точно у себя дома, и даже грозилась убить меня — Наследника, чей титул пожалован самим императором! Мог ли я подумать, что эта дикарка — моя кузина? Какое досадное недоразумение...

Ань Цао тут же рухнул на колени и принялся сбивчиво, но подробно пересказывать случившееся, особо упирая на кровожадный крик Хэ Юйчжу: «Я убью тебя, тварь паршивая!»

Выслушав это, лекарь Чжоу лишь многозначительно хмыкнул.

Скрытый смысл обвинений Хан Сиэня обрушился на Хан Сю подобно ледяному душу.

Приехав в поместье, Хан Сю, давно похоронившая в своих мыслях смертельно больного племянника, не пожелала утруждать себя даже пустой вежливостью. Она не привезла юноше ни единого подарка — даже копеечного чернильного камня, и уж тем более не сочла нужным

отправить своих детей, Хэ Фаня и Хэ Юйчжу, навестить Наследника.

Для неё больной племянник был ничем не лучше уличного пса, и она берегла сына и дочь от любого общения с ним, дабы те не набрались от калеки скверны. Но теперь ситуация перевернулась: девица по фамилии Хэ, гостя в чужом доме, осмелилась избивать законного Наследника и угрожать ему смертью на глазах у свидетелей. Разнесись эта весть за пределы усадьбы, репутация Хэ Юйчжу погибнет безвозвратно.

Услышав это, лекарь Чжоу притворно изумился и покачал головой:

— Какая странность! Родная тётушка гостит в доме, а Наследник даже не знает о её приезде? Неужели вам не поднесли даже скромного подарка в честь встречи? И кузены ни разу не заглянули проведать больного брата? Как же вышло, что вы до сих пор оставались чужими людьми?

Конечно, придворному лекарю не следовало вмешиваться в семейные дразги, но, взглянув на бледное, благородное лицо Хан Сиэня, он проникся к нему сочувствием и решил подыграть.

Би Хуа, мгновенно уловив суть, склонилась в земном поклоне и заговорила, едва сдерживая дрожь:

— Достопочтенный лекарь Чжоу, вы правы. Когда госпожа приехала, Наследник лежал в беспамятстве. Опасаясь потревожить Старую госпожу и уважаемую гостью хворью, он не посмел выйти к ним. Тётушка прибыла из далёкого Цинчжоу, и её дети, должно быть, долго оправлялись от тягот пути, а потому так и не навестили кузена. Откуда же Наследнику было знать их в лицо?

Хан Сиэнь устремил на Хан Сю печальный, потерянный взгляд. На его губах заиграла горькая усмешка:

— Мы действительно не встречались. Да и к чему? Когда я угасал на ложе болезни, кому захотелось бы навещать полумертвого калеку и навлекать на себя дурные предзнаменования?

Эти слова прозвучали слишком горько и прямолинейно. Лицо Хан Сю то бледнело, то заливалось краской стыда. Хан Чжоу тяжело вздохнул, его грудь вздымалась от гнева. Сделав шаг вперёд, он строго прикрикнул на сына:

— Что за вздор ты несешь?! Пред нами лучший лекарь Поднебесной, а ты толкуешь о смерти! Прекрати немедленно!